

Дарья Фроловская

КОЛЬЦО ЗЛАТОВЛАСКИ

Чтобы поднять звезду
с руин бывшего мира...

Дарья Фроловская

**Кольцо Златовласки.
Чтобы поднять звезду
с руин бывшего мира...**

«Издательские решения»

Фроловская Д.

Кольцо Златовласки. Чтобы поднять звезду с руин бывшего мира... /
Д. Фроловская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507952-7

От поры Золотой прошла тысяча лет. Звёзды упали с неба, и путникам освещает дорогу только Оранжевая планета, именуемая также Златовлаской. Волшебники и герои вновь не смогли договориться между собой, и разверзлась пропасть меж ними — пуще прежней. На земле осталась лишь горстка людей, которых собрала воедино Сесилия Багрянородная, создав королевство Поры Золотой. Но смогут ли люди вновь обрести настоящее единство?

ISBN 978-5-00-507952-7

© Фроловская Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Звёзды и дым	7
1	7
2	8
3	10
4	11
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кольцо Златовласки Чтобы поднять звезду с руин былого мира...

Дарья Фроловская

Дорогой читатель!

Ты видишь книгу, которая является продолжением романа «От Золотой поры», который должен был рассказать о том, как волшебники и герои, идя разными путями, пришли к одному – к моменту своего бессмертия.

Однако, даже для бессмертных время имеет большое значение; и вот, спустя тысячу лет, в мире кольцевом вновь загорятся звёзды – звёзды тех, кто умел верить, любить и знал добродетель.

Дизайнер обложки Надежда Ястребова

© Дарья Фроловская, 2019

© Надежда Ястребова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7952-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

На краю мира, где гаснет солнце, освещала путь Оранжевая планета. Она была огромным золотым диском на пустом небе, и многие из героев стремились достать до неё; однако дороги вели к ней извилистые, полные самых страшных опасностей – таких, которые возможны были в этом добром мире.

А вот и первый миф: мир, основанный на добродетели, не таит в себе, не может таить в себе опасностей. На самом же деле, опасностями мы боеем всю жизнь, чтобы быть достаточно здоровыми, чтобы творить добрые дела. Они как прививки, предотвращают заражение, за которым, иначе, последовала бы неминуемо гибель одного из колец Оранжевой планеты, что освещает путь добрым волшебникам и героям, что помнят свои изначальные имена; ведь существует Оранжевая планета только до тех пор, пока в душе даже одного ребёнка, который видит золотое сечение мира кольцевого, цветёт прекрасным алым цветом диковинный цветок из хрусталя, что на солнце отливал бы серебром – да только не было солнца на небесах уже долгую тысячу лет; и даже потеряв все кольца свои, что отражением путей непройденных являются, Оранжевая планета будет светить – пока есть тот, кто делом подтверждает, что творить добро – это величайшая честь для волшебника мира кольцевого, мира дорог непройденных.

Часть I. Звёзды и дым

1

Закрыв глаза, он всегда видел снег; снег, который окутывал одежды трёх странников, чьи посохи даже в слабых очертаниях вселяли уважение к тем, кто опирался на них в быстром и ровном шаге своём в темноту; в непроглядную темноту.

Это не снилось ему; он просто видел эту картинку каждый раз, когда закрывал усталые глаза свои; помощник звездочёта, он был маленькой фигурой в большом деле; и это привлекало его – его привлекало каждое место в этом мире, если с него можно было принести пользу окружающим.

И, заняв своё место, он всецело отдавал себя работе. Но работать ему было тяжело.

Каждую ночь при свете единственной свечи он пересчитывал упавшие тысячу лет назад звёзды – но только на бумаге, к артефактам его никто не подпускал; он понимал, что то будет невозможно ближайšie сто лет, но всё равно хотел этого – хоть одним глазком увидеть настоящую звезду; не из тех, что красовались на куполе Башни Звездочёта. А настоящие, самые настоящие звёзды хранились где-то там, за семью замками, в Большом зале, куда доступ имели очень немногие; даже королей впускали туда только раз в жизни, и то – не каждого из них; не каждому из них удавалось убедить Совет Башни в своей целомудренности. Редкое качество для короля.

Однажды он увидел глаза королевы Сесилии после посещения ею Большого зала; казалось, она увидела что-то, что могло в раз прекратить движение Золотого механизма на Башне чтецов; Мерлину тогда было совсем мало лет, и он подумал тогда, что, неужели звёзды настолько ужасны? Но потом он позволил закрасться в уме своём той мысли, за которую он немедленно бы навсегда покинул Башню; но он знал, что звездочёты не любят слушать чужие мысли; их больше привлекает шёпот небес.

И его учили молчать; молчать, чтобы слышать; это была первая наука, которую он должен был усвоить, если хотел остаться на своём месте.

Учить же слышать его никто не торопился. Поэтому он учился слышать сам.

Разумеется, если бы кто заметил, то его пребывание в Башне очень скоро закончилось бы. Но никто не замечал; все знали, что так должно быть. Он быстро понял, что может слышать то, что слышать не стоит, и не торопился узнавать тайны Золотой Поры. Однако как вороны приносят порой странные вести, так и ему приходилось слышать то, что не поддавалось объяснению тех знаний, которыми он владел.

Однако весть, принесённая сотнями воронов разных мастей этой ночью была предельно ясной; настолько, что эту весть можно было не только услышать, но и потрогать: она была зыбкой, как страх, и рассыпчатой, словно песок с подступи самой к городам больших дорог.

С королевой Сесилией случился удар.

2

Свеча, что стояла прямо у головы её матери, казалось, вот-вот плюнет огнём в потолок, чьи низкие своды как-бы намекали на то, что каждый вошедший в эту комнату должен оставить гордость позади, там, за порогом.

Её мать лежала в широкой кровати и, казалось, безмятежно спала; но на лицах её сыновей, братьев Ингрита, то и дело пробегала рябь – та, что тревожит озеро, что очень хочет – которому очень нужно – казаться спокойным.

Ингрита стояла справа, касаясь руки младшего брата Теодора, в семье которого называли Тэдди, на что он, с высоты своей добродетели, смотрел снисходительно; ему было пятнадцать, и он умел всё, чему никогда не стали бы обучать Ингрита; она была единственной девочкой в семье, и у неё было совсем другое предназначение.

Средний брат, Август, стоял левее от Тэдди, и старался как можно добрее улыбнуться каждому, кто хлопотал у постели его матери. Он сам изучал науку врачевания, но к королеве его не подпускали; потому он только внимательно следил за тем, как лекари оказывали его матери помощь, и, видя правильность их действий, своей улыбкой подбадривал их.

За королеву боялись все.

Старший сын королевы Сесилии, Эдвард, мог участвовать во всём, что происходило в данный момент в спальне его матери; он старался проконтролировать всё, проследить за всем и, по возможности, помочь.

Ему было двадцать девять лет, но он любил мать так, как любить может только ребёнок; однако это не мешало ему быть достойным молодым человеком – и не могло помешать; любовь, которая любовью является, не может помешать человеку быть тем, кем он должен быть.

Любви же Эдварда к своей матери можно было только позавидовать; человек, который может любить так искренно, так бескорыстно и так открыто, как любят дети, способен справиться с любой неприятностью – потому что ничто не придаёт столько сил, сколькими делиться с людьми, открытыми душой, добродетель, что старшей сестрой любви является.

Ингрита любила братьев; каждый из них был ей дорог вдвойне потому, что унаследовал лучшие качества матери своей; Ингрита же была способна злиться, таить обиду и подозревать окружающих в чём-либо нехорошем; вот и сейчас она не отпускала себя от мысли о том, что все лекари, что так хлопочут у постели её матери, думают вовсе не о её выздоровлении – а гораздо дальше...

Ингрита мысленно тут же отругала себя; и в том была другая, присущая в её семье только ей черта – она смела повышать голос; даже на себя, даже в мыслях – но нарушала тем самым порядок мышления и всей жизни, что уложила её мать.

Ингрита считала себя плохой дочерью.

Но не считала плохим человеком, человеком неправильным – потому что, возможно, то небольшое, что она выпитала с молоком матери, это то, что нельзя допускать сомнения в своём сердце об имени своём изначальном – никогда, ни за что.

Природа наша изначальная соткана из любви и добродетели; и недопустимо сомневаться в ней – иначе откроем мы путь к своему сердцу тому, что сокрыто за обратной стороной Оранжевой планеты; тому, что превращает людей в тех, кто точит лезвие не за тем, чтобы любоваться отблесками колец светила единственного этой земли на серебристой глади его.

Ингрита посмотрела на Тэдди – он старался быть невозмутимым, но глаза его выдавали тревогу; девушка взяла его за руку, почувствовала тепло его ладони и немного успокоилась сама.

Седая борода главного лекаря коснулась головы её матери как раз в тот момент, когда дыхание её на миг прервалось; это заметила только Ингрит – главный лекарь был настолько стар, что был дряхл, и потому не увидел, что королева на миг... предалась забвению?

Ингрит хотела было сказать об этом брату Эдварду, но тотчас же дыхание их матери выровнялось, и единственная дочь Сесилии промолчала; ей стало жаль братьев, жаль старого лекаря и всех, кто, возможно, любил королеву.

Ингрит посмотрела на её лицо: красивые, тонкие черты и моложавый вид для сорока девяти лет составляли образ вечно молодой доброй волшебницы; но Ингрит знала, что это всего лишь миф – тот, что говорит, что у добрых волшебников со старостью расходятся дороги, что старость не приходит как награда тому, кто творил добро, посвятив этому свою молодость.

Но сейчас Ингрит видела, как высока была награда её матери за все совершённые ею добрые дела.

3

Выходя из спальни своей матери, Эдвард ещё около часа терпеливо ждал старого лекаря у дверей; во все подробности состояния здоровья королевы Сесилии не посвящали даже его, однако он крепко решил это исправить, мысленно попросив прощения перед всеми добрыми волшебниками за своё любопытство – но можно ли было назвать интерес сына к состоянию здоровья его матери любопытством?

Эдвард заметил в глазах прошедшей мимо него сестры желание что-то скрыть, и весь этот час он думал о том, что же это могло быть – вернее, могло ли это быть именно то, о чём он думал.

Старый лекарь мог и заснуть в ходе работы; Эдвард это знал, но не смел мешать старику осуществлять процесс распознавания недуга, если таковой, конечно, осуществлялся. От этого зависела жизнь его матери.

Наконец, старик вышел из спальни королевы. Глаза его полуслепые были мутнее, чем прежде, а борода, казалось, поредела вдвое.

Эдвард не смел допустить до себя догадку, но мастер медицины опередил его:

– Этой ночью Златовласка необычайно высока. Если её кольцо не погаснет, вам никогда не быть королём.

Сказав это, старик медленно пошёл прочь – так медленно, что не было в мире, освещаемым Златовлаской, слова, способного охарактеризовать его шаг.

Эдвард, недолго думая, направился в Башню Звездочёта, стены которой знали даже больше, чем старый лекарь, повидавший немало на своём веку и превосходно разбиравшийся в королевских недугах.

4

Мерлин оторвался от своей работы, чтобы услышать, что говорят стены; а говорили они многое, и многое ещё были готовы сказать.

Принц Эдвард пришёл к старшему звездочёту и короткими намёками велел провести его в Голубую залу, где располагалось окно обозрения; там уже немолодой учёный долго доказывал принцу, что кольцо Златовласки не может погаснуть в ближайшие три тысячи лет; наконец, принц покинул Башню Звездочёта, и мысли его были радостны – теперь он был почти уверен, что его матери отведена не одна сотня лет.

Но что-то смутило Мерлина в доводах старшего звездочёта; что-то, о чём подсказывала ему интуиция, но на то, чтобы понять это, ему не хватало знаний.

Чтобы проверить свои опасения, он решил послушать, что скажет небо.

Но небо молчало.

Тогда Мерлин, тринадцатилетний мальчишка, обратился всем своим существом к своему собственному внутреннему голосу; и голос ответил – ошиблись все.

Небо говорило, что королева Сесилия проживёт не одну долгую жизнь, но благодарность за её добродетель станет верной спутницей её; и кольцо Златовласки исчезнет с небосвода не через три тысячи лет, а через считанные дни – дни, отведённые на то, чтобы проложить путь к городам больших дорог единственному человеку во всём мире, кто слышал голос Мерлина – голос его мыслей; человеку, который никогда не получит благодарности за свою добродетель; единственному носителю изначального имени, который обретёт его, только перешагнув порог дома белокаменного у самой границы.

5

Тэдди был всё ещё напуган, когда в его покои вошли братья.

Август с порога попытался подбодрить брата своей чистой улыбкой, однако в глазах его застыла тревога; на то была причина.

Причина, которая держала в страхе всю их семью.

Пропала Ингрит, их младшая подруга, как называли её братья – даже Тэдди, который был младше сестры на четыре года.

Она просто исчезла; и не было слова, которое могло бы лучше описать то, что произошло. Исчезла – так, как будто бы её и не было; словно она приснилась всем выходцам Поря Золотой в прекрасном, сказочном сне.

Исчезли все её вещи, остыл воздух в её покоях и не было ни единого следа, ведущего к ней из замка королевы Сесилии; которая была напугана не меньше своих сыновей, однако выглядела так, словно знала, что это должно было произойти.

Эдвард накануне намеревался с ней об этом поговорить – очень мягко и без лишнего любопытства...

Тэдди вопросительно посмотрел на брата; увидев его лицо, ему стало немного спокойнее – по ровному взгляду старшего брата было ясно, что ему удалось узнать самую суть происходящего.

– Эд... – начал было Тэдди, но брат перехватил его на полуслове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.